

ВАЛЕРИЯ БРАЙТ

ИЗМЕНА

Ты предашь нашу любовь

Валерия Брайт

Измена. Ты предал нашу любовь

«Автор»

2025

Валерия Брайт

Измена. Ты предал нашу любовь / Валерия Брайт — «Автор»,
2025

История большой любви и верности превратилась в пыль, как только я вошла в нашу спальню и увидела его с любовницей. А точнее любовницей, оказывается, была я. А он все это время был женат и просто врал мне. Я думала, что все сможет остаться в прошлом, и я смогу построить жизнь без него. Но я забыла, что судьба давно перестала мне предоставлять право выбора и решает за меня, снова превращая мою жизнь в ад.

© Валерия Брайт, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерия Брайт

Измена. Ты предал нашу любовь

Пролог

Я толкаю дверь спальни и в первый момент даже не понимаю, что вижу.

Будто время резко замедлилось. Постель смята. На наших простынях лежит девушка. Совершенно голая. Ее длинные волосы раскинулись по подушке, как чёрное пятно. Она даже не пытается прикрыться, только лениво подтягивается, словно кошка, нарушенная моим появлением.

На секунду я перестаю дышать.

– Ты кто такая? – голос звучит хрипло, слишком тихо, словно я сама не верю, что спрашиваю это вслух.

Девушка не моргает. Поднимается с кровати, как ни в чём не бывало, и босиком, с лёгким шлепком пяток по полу, идёт к креслу. Поднимает с него небрежно брошенную футболку. Его футболку. Надевает её и только тогда поворачивается ко мне.

– Я законная супруга Димы, – произносит она тоном, как будто это объясняет абсолютно всё. – А вот ты кто такая?

В висках начинает стучать. Мир вокруг съёживается до узкого коридора между мною и ею. Воздуха не хватает. И в этот момент за моей спиной слышится его голос. Такой знакомый. Такой... чужой.

– Чёрт... – Он выходит из ванной, и по его лицу сразу пробегает паника. – Саш, только давай спокойно поговорим. Не надо истерить.

Мельников в одном полотенце, волосы ещё влажные. Смотрит на меня, как будто ждал этой сцены, но надеялся, что она всё же не произойдёт.

– Да пошёл ты, Мельников!

Боль разрывает грудную клетку. Она стекает в горло, сжимая его спазмом. Внутри уже всё кричит, но я больше и слов мне не могу произнести. Разворачиваюсь и ухожу. Быстро. Твёрдо. Не позволяя слезам вырваться наружу. Они жгут глаза, давят изнутри, но я не дам им упасть. Не здесь. Не при них.

Не доставлю этим двоим удовольствия увидеть мою слабость.

За спиной хлопает дверь. Или сердце. Или надежда.

Глава 1

Александра

Ровно два месяца...

Ровно два месяца с того дня, как мой мир рухнул, оставив после себя только осколки. Два месяца, как я узнала, что человек, которого я любила, которому доверяла, оказался предателем.

И два месяца с того самого момента, как я увидела две полоски на тесте. Я провожу рукой, по пока ещё плоскому, животу и улыбаюсь. Теперь у меня есть причина держаться, идти вперёд. У меня есть ребёнок. Не у нас с Димой – у меня. После того, что он сделал, я не позволю ему вернуться в мою жизнь, в нашу жизнь.

– Сашка, хватит грустить.

Я поднимаю взгляд и вижу Таню, которая с шумом вваливается в комнату и плюхается в кресло, закидывая ноги на подлокотник. Смотрит на меня с беспокойством. А я думаю про себя как же она вовремя вновь появилась в моей жизни. После сюрприза, на квартире Димы, я приехала к себе и на площадке встретила Таню. Это внучка тети Зины. Совсем неожиданная встреча, но она словно была послана богом, чтобы помочь мне пережить тот момент. В детстве мы много времени провели вместе, и Таня была моей лучшей подругой. Но потом они с родителями переехали в Швейцарию и расстояние взяло свое. Родители по-прежнему там, а Таня с братом, Никитой, решили вернуться. И очень вовремя.

Увидев меня в таком состоянии, Таня загребла меня в свои объятия и не отпускала, пока я не выплакалась. Потом мы зашли ко мне на кухню я спокойно рассказала ей что произошло. Тогда подруга предложила мне переехать к ним с братом. Брат купил большой дом в приличном районе. Места много, а Мне как раз не помешает сменить обстановку.

В тот же день, я собрала вещи, предупредила тетю Зину, чтоб ни при каких обстоятельствах не говорила никому где я. Папе конечно я рассказала, не углубляясь в подробности, ему незачем знать все. По крайней мере сейчас. Он знает что я поругалась с Димой, и решила уехать к друзьям.

В планах у меня вообще переехать в другой город. Но пока средств у меня вообще нет. И тут тоже на помощь приходят друзья детства. Никита собирается открыть сеть ночных клубов, и один он уже открыл. Приглашает до родов поработать бухгалтером у него. Правда это не совсем та сфера работы к которой я привыкла, но выбора у меня особо нет. Тем более, что я в основном буду работать из дому и мне не обязательно каждый день появляться в клубе. Никита очень хороший друг. В детстве, я всегда мечтал чтобы у меня был старший брат, как у Таньки. Нам было по 12, а ему 18, и относился он к нам одинаково, как будто у него две сестры.

– Снова о своём Мельникове мечтаешь? – голос Тани звучит с той самой лёгкой иронией, которая обычно вызывает у меня улыбку. Но не сегодня. Сегодня это как тонкая иголка – колет в самое чувствительное место.

– Да пошёл он! – бросаю резко, даже громче, чем хотела. Слишком резко. – Много чести. Мне теперь есть о ком мечтать. Откидываюсь назад, выпрямляю спину, будто этим жестом можно стереть воспоминание.

– Вот это правильно, подруга! – кивает с тем самым бодрым, жизнеутверждающим выражением, за которое я её и люблю. – Ты ведь не зря сюда переехала – оставить прошлое в прошлом. И твоего предателя, в том числе. Слова звучат уверенно, почти хлестко. И Таня, как всегда, готова поддержать – на автомате хлопает в ладоши, как будто я только что объявила об окончательной победе над личной драмой. Но внутри всё сжимается, где-то под рёбрами, глубоко. Как будто только что солгала не ей, а себе.

– Всё верно, дорогая. Всё верно... Я киваю, машинально.

Если бы я знала, что Дима женат. Если бы тогда, в тот момент, когда Ритка шутила про «женушку», я хоть на секунду подумала, что это правда. Но решила, что это просто её способ ткнуть в меня иглой – она же всегда была острой на язык. А я – дура. Влюблённая, слепая дура. Улыбаюсь. Точнее – делаю вид, что улыбаюсь. Это не настоящая улыбка. Это маска, которую я за последние месяцы научилась носить уверенно. На самом деле – всё гораздо сложнее. Переехать – да, я уехала. Начать сначала – возможно. Забыть – вот с этим... всё ещё тяжело.

Молча встаю с кресла и направляюсь к зеркалу. Запускаю пальцы в волосы, машинально поправляю выбившуюся прядь. В отражении – усталые глаза, тонкая тень боли в уголках губ, и та же маска, только теперь чуть треснувшая.

– Ты к вечеру уже готова? – Таня вытаскивает меня из раздумий. Снова.

– К какому? – удивлённо оборачиваюсь.

– Так-а-к. Приехали! – Таня театрально закатывает глаза и стягивает с себя плед, пересаживаясь на край кровати. – К официальному открытию “Белой Совы”, мадам. Ты как будто не в курсе. Никита приглашал тебя, напоминал сто раз, и ты обещала быть. Он хочет тебя познакомиться со своим новым партнёром. Очень важный момент.

Я моргаю, вспоминая: действительно, Никита говорил. Не раз. А сегодня – это и правда сегодня.

– Чёрт... – выдыхаю я. – Совсем вылетело из головы.

– Вот именно. Поэтому бросай свои мрачные мысли. Вылазь из этих домашних штанов. Пора надевать каблуки, наводить красоту и делать вид, что ты уже забыла этого... Мельникова. Сегодня твой вечер, Саш. Не его.

Я киваю, будто соглашаюсь. Хотя где-то внутри всё ещё зреет буря.

С треском вешалок она принимается перебирать мой скромный гардероб – в основном рабочие платья, пару строгих жакетов и удобные джинсы. – Наряд подобрала? – Таня резко подаётся вперёд, вскакивает с кровати и уже через секунду распахивает дверцы моего шкафа, будто именно она тут хозяйка. Хотя по сути это её дом.

Сажусь на край кровати, ссутулившись, как будто сама становлюсь меньше.

– Я не уверена, что хочу пойти, – бормочу, почти себе под нос.

– Тебя никто и не спрашивает, хочешь или нет, – Таня оборачивается на секунду, прищуривается и делает шаг назад, осматривая «экспозицию» с видом критика в галерее. – Так надо. Это по работе. Ну, если мы развлечёмся – думаю, никто не будет против.

Я вздыхаю, медленно протираю виски ладонями, будто пытаюсь выдавить усталость.

– Не знаю, Тань... Я как раз хотела сказать Никите, чтобы мы встретились с его партнёром в другой раз. Просто сейчас не тот день...

– Ну Сааашка, не будь занудой, – начинает она своим привычным канючащим тоном, садится рядом и толкает меня в плечо. – Тебе просто нужно вытащить голову из песка и надеть нормальное платье. Всё остальное – дело техники. – И подруга снова, что-то выискивает среди моих вещей.

Господи, как же это противно. Пожимаю плечами, не отвечая. Не хочется ей отказывать. Знаю, почему она так старается. Она сама прошла почти через ад – почти, но всё же иначе. Её муж хотя бы был официально её мужем. А она застала его в постели с другой. А в моём случае... чёрт возьми, в моём случае любовницей оказалась я. Как бы ни пыталась вытеснить это из сознания, отвращение внутри никуда не исчезает.

Таня вдруг резко захлопывает дверцы шкафа с хлопком, от которого я вздрагиваю.

– Всё решено, – говорит она с тем самым уверенным видом, который не терпит возражений. – Никита нас будет ждать.

Она хватается меня за обе руки, крепко сжимает, как будто пытается физически передать мне энергию.

– Пошли ко мне. У тебя здесь вообще выбирать нечего, – фыркает она и уже тянет меня за собой, будто я её младшая сестра, а не взрослая женщина с кучей психологических тараканов.

Мы выходим из комнаты. Тёплый свет конца дня льётся в коридор сквозь полупрозрачные шторы – будто лето снаружи пытается напомнить, что жизнь всё ещё есть. Что всё ещё можно выбрать платье. Выйти в люди. Улыбнуться. Хотя бы сделать вид.

А может, и правда... попробовать.

Таня азартно роется в своем гардеробе, вытягивает платья, топы, юбки – тщательно отбирает наряд для сегодняшнего вечера. Я почти не участвую в этом процессе, только машинально киваю, когда она прикладывает ко мне очередную вещь.

И слава богу спустя несколько часов мы заканчиваем мучительно долгую подготовку. Довольная своей работой она, разворачивает меня к зеркалу, и я наконец рассматриваю свой образ.

На мне короткое, но не слишком откровенное черное платье с открытой спиной и тонкими бретелями, мягко облегающее фигуру. Ткань струится по телу, подчёркивая изгибы, но не сковывая движений. На плечи Таня накинула мне укороченный кожаный жакет, чтобы я не чувствовала себя слишком «голой». Она настояла на каблуках – элегантных лодочках с тонкими ремешками, хотя я привычнее себя чувствую в кроссовках. Мне даже кажется, что я потеряла равновесие, но Таня уверяет, что я иду идеально.

Волосы уложила легкими волнами, а в макияже сделала акцент на глаза – тёмные тени, удлинённые стрелки, выразительный взгляд. Губы покрыты нюдовой помадой, подчёркивающей естественный цвет.

– Вот теперь ты выглядишь так, как будто пришла покорять этот вечер, – улыбается она, крутя меня перед зеркалом.

А я смотрю на своё отражение и чувствую себя чужой в этом образе. Будто это не я. Но, может быть, на один вечер можно стать кем-то другим?

Ночной клуб. Уже почти забыла, каково это – музыка, толпа, свет, движение. Это вообще не моя среда. Здесь слишком громко, слишкомлюдно, слишком много хаоса. Мне больше нравится уединение, тишина, возможность просто наблюдать со стороны.

Но вот мы уже выходим из такси. Вечерний воздух прохладный. Таня шагает вперед, на ходу поправляя волосы. Она всегда умела чувствовать себя уверенно в таких местах. Делаю глубокий вдох и перешагиваю порог клуба. Внутри еще не слишком многолюдно. Свет мигает, музыка звучит, но пока не заглушает мысли. Осматриваюсь, привыкая к полумраку. В воздухе чувствуется дым кальча и запах дорогих духов. Вижу, как Таня расправляет плечи, как она чувствует себя здесь, будто это её дом. А мне кажется, я не нахожу здесь себя.

Проходим мимо барной стойки. Воздух напоён звуками чужих голосов, звоном льда в стаканах, лёгким налётом алкоголя и духов. Здесь всё слишком..., слишком громкое, слишком живое. Чужие лица мелькают в полумраке, кто-то смеётся, кто-то обнимается, кто-то флиртует. Они кажутся такими уверенными, такими цельными – как будто у каждого из них есть своя история, в которой нет места предательству и боли.

И вдруг долю секунды мир дергается. Замираю на месте. В толпе, у самой стойки мелькает силуэт. Фигура. Движение руки, изгиб подбородка, блики на темных волосах. Сердце гулко бьётся в груди.

Это она. Та самая. Девушка из той спальни. Из того кошмара. Стоит ли мне мигнуть – и она исчезает. Тень. Мираж. Или реальность? Щурюсь, пытаюсь разглядеть лицо, но люди проходят мимо, загораживая обзор, и в следующее мгновение её уже нет. Пусто. Только воздух стал гуще.словно в нём что-то сгустилось и опустилось на плечи.

Наверное, показалось... Должно было показаться. Но почему тогда в животе словно пустота, будто я упала с высоты, и не на что опереться?

– Эй, ты где летаешь? – Таня машет рукой перед моим лицом, и её голос тянет меня обратно, в реальность. Хватка на моей ладони – тёплая, цепкая. Она берёт меня за руку и уверенно ведёт вперёд, сквозь людское море.

Поднимаемся по узкой лестнице. Свет меняется, становится мягче, приглушённое. Здесь, в VIP-зоне, словно другой мир: тише, солиднее, дороже. Удобные диваны, обитые бархатом. Столики с тонкими бокалами. Улыбки людей, полные самоуверенности и игры.

– Девчонки, как хорошо, что вы пришли! – Никита встречает нас радостно. Он сидит, расслабленно откинувшись на диване, с бокалом в руке. При виде нас встаёт, расправляет плечи, его лицо озаряется теплым светом. Встаёт нам на встречу, целует Таню в щеку, затем касается губами моей – легко, почти мимолётно, но оставляя после себя ощущение чего-то живого, настоящего, теплого.

– Вы очень вовремя, – говорит он, делая приглашающий жест. – Мы как раз говорили о вас.

Я машинально прохожу вперёд, позволяя Таниной руке отпуститься. Мой взгляд скользит по помещению, задерживается на мягком освещении, на бокале с янтарной жидкостью, на белой салфетке. На... мужчине, сидящем чуть в стороне, в полутени. Он поворачивает голову. И всё внутри меня резко сжимается.

Глава 2

Александра

– Это самый важный человек в моей жизни, моя сестрёнка Татьяна, – с гордостью говорит Никита, легко коснувшись плеча Тани.

– Рада знакомству, – мурлычет она, мягко улыбается и опускается на диван, как кошка, точно знающая, что вся эта сцена – её. Она будто и вправду растворяется в обстановке: уверенная, расслабленная, как будто всё это создано именно под неё.

– А это еще один самый важный человек...

– Александра, – перебивает его мужчина, поднимаясь мне навстречу.

Я застываю. На несколько бесконечно долгих секунд мой разум отказывается принимать происходящее. Вокруг шумит музыка, клубные басы отдаются гулким эхом где-то в груди, смешиваясь с шумом голосов, смехом, звоном бокалов. Но все это меркнет, отступает на второй план.

Смотрю на него, пытаюсь осознать, что именно сейчас происходит.

– Паша? Ты...

– Да, я тот самый партнер, – он протягивает мне руку, и я машинально пожимаю ее, ощущая прохладу его пальцев. – А ты полна сюрпризов, Александра. Тебя вообще не узнать.

Его голос спокоен, он будто наблюдает за моим замешательством.

– Вы знакомы, что ли? Класс! – радостный возглас Тани заставляет нас обоих обернуться к ней. Она смотрит на нас с неподдельным восторгом, словно ждет продолжения какого-то увлекательного спектакля.

– Вот это поворот! – Никита вскидывает брови, переводя взгляд с меня на Пашу и обратно. В его голосе одновременно удивление и легкая насмешка. – Надеюсь, что вы не враги? А то, честно, Саш, я аж испугался, когда ты так замерла.

Испугался? Он? Я вообще в шоке! Сама не уверена, что чувствую. В груди тяжелый ком, мысли скачут хаотично, и кажется, что еще немного – и меня просто вывернет наизнанку. Жар поднимается к щекам. Я предполагала, что оставаясь в этом городе, вполне возможно пересечься с нова с Мельниковыми. Но не ожидала, что это будет так быстро.

– Не враги, – выдавливаю я, отводя взгляд. С опускаюсь на диван рядом с Таней, стараясь не смотреть на Пашу.

– Ну и отлично! – обрадованно хлопает в ладоши Никита. – Я сейчас.

Он уходит, растворяясь в толпе, а Таня тем временем осматривается вокруг, двигаясь в такт музыке. Пальцы отбивают ритм на подлокотнике, в глазах читается чистое удовольствие. Она расслаблена, наслаждается атмосферой, впитывает ее.

Точно такая же была у его брата, только у того – всегда с вызовом, у Паши – скорее, с расчетом. А я... Сажу, немного подавшись вперед. В пальцах бокал, почти не отпитого коктейля. Лёд внутри медленно тает, вода стекает по стеклу тонкой каплей. Вокруг шум – чужие голоса, музыка, звон бокалов. Всё сливается в ровный, гулкий фон, как будто я под водой. Басы глухо бьют, будто по внутренним стенкам грудной клетки. Поднимаю глаза и ловлю на себе взгляд Паши. Не просто случайный – цепкий. Он будто бы считает меня уравнением с неизвестными, внимательно следит, как я двигаюсь, как сжимаю пальцы на стекле. Его лицо почти без выражения, только губы чуть тронула ухмылка.

Никто не замечает моего замешательства. Или делают вид, что не замечают. Глаза блуждают по залу. Ловлю себя на то, что ищу Диму. Такое впечатление, что он вот вот появится здесь. Под руку с НЕЙ. Я отвожу взгляд. Смотрю куда-то в сторону – на бар, на витрину с бутылками, за которыми играют цветные огни. Ловлю отблеск света в стекле. Рядом кто-то смеётся, коротко и громко. Официант ставит поднос на соседний столик – короткий лязг посуды,

запах цитруса и алкоголя. Свет на потолке чуть меняется – синий сменяется тёплым янтарным. Секунда – и снова всё переливается.

Пальцы сжимаются на бокале сильнее. Стекло скользкое, прохладное. Стараюсь удержаться здесь и сейчас, но в голове всплывает сцена. Комната. Постель. Вижу её. Голую. На нашей с Димой кровати. Хотя это явно была не наша кровать... Может быть, она всегда принадлежала ИМ?

Откидываюсь назад, прикрывая глаза. Просто картинка. Просто воспоминание. Но такое ясное, будто не прошло ни дня.

– Его здесь нет, – вдруг произносит Паша.

Вздрагиваю. Резко оборачиваюсь. Он всё так же сидит напротив, чуть наклонившись ко мне, словно это просто ремарка между делом. Его голос звучит ровно, сдержанно, почти без эмоций. Но в этой ровности – что-то чужое, колючее. Может, потому что интонации до боли знакомые. Один в один, как у Димы. Спокойные, уверенные, те, от которых ещё недавно внутри всё дрожало.

– Что?.. – спрашиваю. Слишком быстро. Слишком осторожно. Делаю вид, что не понимаю. Хотя внутри – вспышка, словно током ударило. Пульс сразу громче в ушах.

Спина выпрямляется сама собой, плечи напрягаются. – Тот, кого ты ищешь. Его здесь нет, – повторяет он. Медленно. Взвешенно. Его глаза не мигают – будто выстрелил и ждет, когда я упаду. На секунду замираю. Как будто кто-то внутри щёлкает тумблер – «режим защиты».

– Я никого не ищу! – вырывается резко. Слова звучат как удар. Не в тему, не к месту. Сама слышу, насколько это звучит неубедительно.

Паша чуть склоняет голову, и уголки губ подрагивают. Улыбка не настоящая – сухая, как трещина на стекле.

– Ага, – коротко говорит он. Кивает. И всё так же продолжает смотреть. – Но он скоро придёт. Я позвал его на открытие.

Внутри – провал. Моментальный, тяжёлый. Как будто пол уходит из-под ног.

Медленно оборачиваюсь, будто надеюсь, что это сон, просто кошмар, и меня обязательно разбудит будильник. Но нет. все реально Свет, музыка, движение. Люди смеются, хлопают друг друга по плечу, поднимают бокалы. Кто-то танцует. Кто-то кого-то обнимает. А мне кажется, что воздух стал другим – гуще, плотнее.

По позвоночнику будто тонкой струйкой стекает ледяная вода. Прижимаю колени друг к другу, вцепляюсь пальцами в край подушки дивана. Стараюсь делать вид что мне все равно. Снова смотрю на Пашу. Его взгляд, всё ещё на мне. Не моргает. Не двигается. Ждёт. Как будто проверяет, как скоро я сломаюсь.

Отвожу взгляд и тут же невольно скольжу по залу вновь.

Дима. Здесь. Скоро.

– Кто придет? – раздаётся за спиной голос Никиты.

– Никто! Не важно! – выпаливаю резко. Он возвращается как раз в тот момент, чтобы подхватить последние слова Паши. На его лице – обычная заинтересованность, лёгкий прищур, будто он пытается сложить картинку из обрывков.

Паша снова улыбается. Спокойно. Сдержанно. Улыбка – беззвучная насмешка. Говорить больше не нужно. И так всё понятно.

Чувствую, как мышцы живота инстинктивно напрягаются. Тело готовится к чему-то, чего не хочет. Нет, нет, нет! Я не готова к этому. Совершенно не хочу видеть его.

– Так, вот и официант! – Никита, вдохновленный выпивкой и общей атмосферой вечера, резко вскакивает на ноги. – Что так долго-то?! Я говорил работать быстро надо! Чтобы гости не состарились в ожидании! Быстро, мать вашу! – он рычит на официанта, делая резкий жест рукой, но почти сразу снова поворачивается к нам с беззаботной улыбкой, будто ничего не произошло.

Музыка гудит, низкие басы прокатываются по полу, пробираясь сквозь тело. Сiju почти не двигаясь. Пробую вдохнуть глубже, но воздух тяжёлый, будто его насытили дымом и жаром прожекторов. В помещении становится душно.

"Он скоро придёт."

Фраза Паши продолжает звучать внутри, как низкий гул под музыкой.

Нет! Я не смогу! Я не хочу! Слишком рано.

Дыхание становится тяжелее, грудь сжимает. Меня будто меня заперли в стеклянной коробке.

– Я хочу уйти, – шепчу Тане, наклоняясь к ней, почти прижимаясь губами к её уху. Таня тут же поворачивается, и в её взгляде – ни тени колебания. Только резкость и решимость, которые будто хлещут по щеке.

– Не смей! – коротко бросает она, тоном, не допускающим возражений.

Потом, уже через долю секунды, она выпрямляется, ловко натягивает на лицо кокетливую улыбку, и, как будто ничего не случилось, смотрит на Пашу, затем на брата. Никита внимательно наблюдает за нами, с чуть приподнятой бровью – то ли насторожен, то ли просто развлекается.

– Нам носик припудрить, – мурлычет Таня и подмигивает, легко, будто с ветром играет.

Никита качает головой и усмехается, как человек, которому лень вникать в женские дела. Он делает приглашающий жест рукой – идите, мол, девочки – и снова отворачивается, перехватывая бокал со стола.

Таня тут же берет меня за руку – крепко, как якорем. Мы двигаемся сквозь толпу, и стараюсь не врезаться в людей, но кажется, что каждый второй задевает плечом, толкает, царапает чужими взглядами. Запахи меняются с каждым шагом: резкий парфюм, алкоголь, фруктовый дым кальяна. Музыка гремит, свет моргает, лица мелькают, а я почти не различаю их. Всё происходит будто не со мной, будто я наблюдаю это изнутри какого-то мутного аквариума. Сердце стучит быстро, но как-то глухо, будто где-то в животе. Рука Тани – единственное, за что можно уцепиться.

Она решительно втаскивает меня в туалет. Ее каблуки звонко стучат по кафелю. Дверь за нами плотно захлопывается, отсеивая основную часть шума. Свет – холодный, бело-голубой, бьёт сверху, заставляя кожу казаться бледнее, чем есть. Таня разворачивает меня лицом к себе и берёт за подбородок – твёрдо.

– Так, дорогая моя, ты что, хочешь, чтобы всё на смарку? – её брови хмурятся, голос – чуть громче шёпота, с нажимом. – Ты чего!? Что значит уицти?! Все часы подготовки в трубу?! Макияж, волосы, каблуки – зря?

Смотрю на неё, но слова не идут. Горло перехватывает, как будто внутри распухло что-то тяжёлое, немеющее. Просто дышу. Просто стою.

– Паша, брат Димы. И сам Дима скоро придет...

– К черту его! Сама же говорила: "Пошёл он на все четыре стороны!" – напоминает она, аккуратно поддевая выбившуюся прядь с моего виска и пряча её за ухо. Движение мягкое, почти материнское. – Ну и? Где твой боевой настрой?

Я слабо качаю головой. Ресницы дрожат.

– Тань, я уехала на другой конец города, чтобы с ним не видеться... Если бы могла, вообще исчезла бы с карты...

Подруга закатывает глаза и поворачивает меня к зеркалу. Её ладонь твёрдо ложится на моё плечо.

Она делает паузу, и в зеркале я вижу, как она прищуривается. – Пошёл он, – повторяет она отчеканено, будто формулу. – У тебя новая жизнь. Новая работа. И малыш. Не забывай об этом. Ты не просто красotka – ты будущая мама.

– А Мельников? Можешь смотреть на него как на пыль под ногами.

Смотрю на свое отражение. Кожа чуть побледнела от волнения, вены на шее пульсируют. В глазах... Страх. Не паника. Не истерика. Просто ледяной, оседающий где-то в грудной клетке страх. Но чего я боюсь?

– Соберись, – Таня чуть встряхивает меня за плечи, точно дозируя силу. – Он. Никто. А ты – ты блистешь. Ты сияешь. Посмотри на себя.

Я глубоко вдыхаю. Воздух здесь сухой, пахнет мятным мылом и чем-то косметическим. Легкие сначала сопротивляются, потом подчиняются.

За то, что всё еще способен вызывать во мне такую дрожь. Он – никто. Повторяю про себя, как мантру. Я ненавижу его за то, что он сделал. За то утро. За предательство.

И всё же – почему она не уходит?

Глава 3

Александра

Я справлюсь. Глубокий вдох. Наставления Тани звучат в голове, будто она повторяет их, стоя внутри моего сознания. Она права. Если сейчас дам слабину – всё. Назад дороги не будет. Снова затянёт. Снова будет больно.

Выпрямляю спину. Пальцы легко касаются волос – поправляю пряди, расправляю плечи, собираю всё разбежавшееся внутри по частям. В зеркале отражается не та, что была пару минут назад. Не дрожащая, не сломанная. Отражается та, кто знает, чего хочет. Та, кто устала бояться. Та, кто помнит, через что прошла, и больше не позволит наступить на себя.

Он – никто.

Таня смотрит с удовлетворением, как будто сама вырезала меня заново.

– Вот так-то лучше, – произносит она с удовлетворением и подмигивает. – А теперь пошли. Ты должна войти туда так, будто у тебя за спиной армия, готовая растоптать любого, кто осмелится тебя задеть.

– Армии у меня нет, но ты же рядом. Я усмехаюсь краем губ.

– А я за десятерых, – улыбается она и, взяв меня под локоть, уверенно тянет к двери.

Мы возвращаемся в клуб, и шум снова обрушивается на нас, как вал. Толпа сгущается – теперь зал напоминает бурлящее море, где каждый шаг – борьба за пространство. Люди смеются, переговариваются, обнимаются, кто-то с азартом спорит, перегнувшись через стол. У барной стойки трое парней в одинаковых рубашках одновременно заказывают напитки, перебывая друг друга, а рядом девушка в коротком комбинезоне танцует, закрыв глаза, будто в трансе. Я быстро шагаю, пытаюсь не отстать от Тани.

Стараюсь сосредоточиться на этом – на чужих движениях, на атмосфере клуба, на собственном дыхании. Мы уже подходим к нашему месту. И я слышу Его. Его смех. Знакомый. До боли. Громкий, легкий, будто ничего в этом мире не способно его потревожить. Замираю. И только затем вижу Мельникова. Он стоит у нашего столика. Наверное, только что подошел. Улыбается, откидывает голову назад, снова смеется. Боже. Столько раз представляла этот момент. Сколько раз я представляла себе эту встречу. Прокручивала её в уме, пытаюсь подготовиться, приучить себя не дрожать. Думала, что смогу сдержаться. Что смогу смотреть на него спокойно. Он не изменился. Совсем. Хотя чего я ожидала за эти два месяца. Что он придет в таруре, с тоской в глазах. Но ничего не изменилось. Мы словно виделись вчера. Тот же точёный профиль, резкие скулы, чуть взъерошенные волосы, беспечно уложенные, будто бы сам ветер причесал. Тот же лёгкий изгиб губ, когда он улыбается, и эта особая, ни с чем не сравнимая манера держаться – уверенная, расслабленная, опасно обаятельная. Которая как магнитом притягивала меня.

Я вдыхаю резко, будто меня неожиданно толкнули в ледяную воду. В груди что-то болезненно сжимается, сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться так, что ощущаю его гул в висках.

И первая мысль – не «беги», не «спрячься», а:

Боже, как же я скучала.

По его голосу, по тому, как он запрокидывает голову, смеясь, по этой уверенной, чуть ленивой манере двигаться.

По запаху... Знаю, что если подойду ближе, меня накроет волна знакомого аромата, смешанного с нотками виски и чего-то едва уловимого, но до боли родного.

По его рукам. Теплым, сильным, нежным, когда они скользили по моей коже, когда его пальцы запутывались в моих волосах, когда он притягивал меня к себе, обнимая так, будто не отпустит никогда...

Жаркий ком предательски подступает к горлу.
Какого черта?

Сжимаю кулаки, до боли в пальцах, вонзая ногти в ладони, чтобы прийти в себя.
Очнуться.

Ничего больше нет. Все это исчезло в тот момент, когда я увидела измену. Как будто по щелчку перед глазами вспыхивает тот самый момент – простыни, смятые не мной, ее обнаженная кожа, и он. Спокойный, равнодушный.

Воздуха не хватает.

Буквально чувствую, как что-то внутри меня трещит, ломаясь пополам. Жгучая, обжигающая злость накатывает волной, сметая все остальное. Сердце уже не просто колотится – оно грохочет. Как он смеет?!

Как он смеет стоять там, выглядеть таким же, будто ничего не произошло? Как смеет смеяться так же легко, будто его предательство не превратило меня в руины? Грудь сдавливает так сильно, что почти больно дышать. Хочу ударить его.

Резко, яростно, почувствовать, как мои пальцы соприкасаются с его лицом, увидеть этот идиотский самодовольный вид сменяющийся на шок. Вцепляюсь в ткань своего платья, пытаюсь взять себя в руки.

Таня сжимает мою ладонь, будто чувствует, что во мне все закипает. Выдыхаю. Нет. Не дам ему увидеть, что он до сих пор может влиять на меня. Не позволю ему думать, будто он хоть что-то для меня значит. Выпрямляю спину. Поднимаю подбородок. И делаю шаг вперед.

– Девчонки, вы чего пропали! – голос Никиты пробивается сквозь музыку.

Дима оборачивается. Мой взгляд встречается с его, и все остальное перестает существовать. Я вижу, как он скользит по мне рассеянным взглядом, как будто не сразу узнает. Потом его глаза снова находят мои, и на его лице шок. Господи, он не ожидал меня здесь. Совсем. На мгновение мне даже кажется, что в его глазах вспыхивает радость. Секунда – и в этих карих глазах читается что-то невообразимо знакомое. Будто он рад видеть меня. Будто он не может поверить, что я действительно стою перед ним. Но радость исчезает так же стремительно, как появилась. Черты лица напрягаются, взгляд становится тяжелым, темным, в нем уже больше нет теплоты. Только непонимание. Только гнев.

– Ты? Здесь? Какого хрена?!

Не успеваю даже вздохнуть, не то чтобы сказать хоть слово. Дима внезапно оказывается рядом. Его пальцы сжимаются вокруг моего запястья – горячие, сильные, знакомые. Меня словно обдаёт кипятком. Он тянет меня вперёд. Без слов. Без предупреждений. Сквозь толпу, мимо мелькающих лиц, людей, погруженных в музыку и алкоголь.

Оборачиваюсь – в мерцающем полумраке вижу, как Никита что-то кричит нам вслед, его губы двигаются, но звук тонет в оглушительном ритме. Таня где-то позади, пробивается сквозь людей, но она отстаёт.

Но его хватка только крепче. Запястье ноет, кожа под его пальцами начинает гореть. Я дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но он, как будто не слышит. Или не хочет слышать. – Дима! – кричу. – Отпусти!

Мы вырываемся из общего зала в коридор, наконец, начинаю слышать собственное дыхание. Здесь музыка уже не так громко гремит в ушах, здесь меньше людей, только приглушенный свет и гулкие шаги по кафельному полу.

– Дима, остановись! Что ты творишь?! Мне больно!

Мы оказываемся у выхода. Он толкает дверь, ночной воздух врывается в лицо. Резкий. Свежий. Контрастный. Кожа покрывается мурашками, но я не успеваю вдохнуть – он рывком притягивает меня к себе. Его пальцы впиваются в плечи, и с почти звериной силой он выталкивает меня за порог. Мы уже на улице. Вокруг огни, приглушенный шум машин с дороги,

музыка доносится из клуба. Ночной воздух прохладный, но я чувствую жар. От злости. От адреналина. От него.

Рывком дергаю руку и, наконец, вырываюсь. Кожа пылает там, где его пальцы только что вцеплялись, оставляя следы.

– Ты не смеешь так... – мой голос срывается, грудь тяжело вздымается от бешеного сердцебиения.

Дима замирает. На секунду. Смотрит на меня, как будто не верит своим ушам.

– Не смею? – повторяет он тихо, опасно.

И вдруг делает шаг вперед. Потом ещё один. Будто хищный зверь, вышедший из темноты.

– Это ты не смеешь исчезать на два месяца и потом вот так появляться передо мной!

Он снова хватается меня за плечи. Его руки – горячие, тяжёлые. Пальцы впиваются в кожу сквозь ткань. Меня словно током бьет.

– Я думал, с ума сойду, когда ты пропала! – голос срывается. – Саша, тебя нигде не было! Ты просто вычеркнула меня! Даже не дала мне объясниться!

Чувствую его дыхание. Вижу, как его челюсти сжимаются, как на скулах ходят желваки. Его глаза – как тень шторма. В них мелькает боль, гнев, все смешивается.

– Мне не нужны твои объяснения! Я все увидела! Все, что мне нужно!

С силой толкаю его в грудь, он делает шаг назад, руки соскальзывают с моих плеч. Но он не отводит глаз. Продолжает смотреть. Неотрывно. Жестко. Глаза – словно лезвия. Они пронзают, вскрывают, вытаскивают наружу всё то, что я пытаюсь спрятать. И ненавижу себя за то, что в этой ярости, в этом накале эмоций, все еще ощущаю, как сильно скучала по нему. По нам. По тому, что невозможно вернуть.

– Отойди от неё, урод! – Голос Тани разрезает воздух.

Оборачиваюсь и вижу, как она почти бежит к нам, нелепо ковыляя на своих каблуках, но, черт возьми, с какой же уверенностью! Столько решимости, что мне даже становится не по себе. Затем дверь клуба распаивается с силой, и в ночную тишину вырывается грохот музыки. На пороге появляется Никита, а за ним сразу же Паша. Никита подбегает к нам, а Паша не спешит, наблюдает издалека.

– Ты что творишь?! – Никита почти рычит, сжимая руки в кулаки.

Все происходит слишком быстро. Как на ускоренной перемотке в фильме. Чувствую, как мир вокруг начинает плыть. Тошнота накатывает волной, и мне кажется, что меня сейчас вырвет прямо на Диму. В ту же секунду Никита подбегает, решительно встает между мной и Димой, заслоняя меня собой. Я делаю несколько шагов в сторону.

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?! – требует он, но не могу выдавить ни слова. В голове хаос. Меня ужасно мутит и я изо всех пытаюсь сдержаться.

– Саша – моя девушка, и нам нужно поговорить! – Дима делает шаг вперед, но Никита не дает ему подойти.

– Твоя? – он усмехается, но в этом нет веселья, только чистая угроза. – Серьезно? Тогда какого хрена ты тащил ее сюда, как мешок?!

Я не его...

Хочу сказать это громко, четко, уверенно, но слова застревают в горле, комом перекрывая воздух. В следующий миг меня скручивает спазм, словно внутри перевернулся целый мир. Резко отворачиваюсь, делаю шаг в сторону и сгибаюсь пополам. В желудке все сжимается в болезненном узле, и меня выворачивает.

– Сашка! – Таня тут же оказывается рядом, ее руки обхватывают меня, не давая упасть.

Крепко хватаюсь за нее, потому что мир вокруг раскачивается, и мне кажется, что сейчас просто рухну на асфальт.

– Ты как? – она быстро протягивает мне салфетки.

Выпрямляюсь, все еще ощущая тяжесть в желудке и дрожь, и слабо отвечаю:

– Нормально...

Вытираю губы, чувствуя, как внутри все еще бьется дрожь.

– Саша, что с тобой? Тебе плохо? – Дима делает шаг в мою сторону, но Никита тут же преграждает ему путь, и толкает обратно.

– Нет! – Таня почти кричит. Слова срываются как выстрелы. Она всё так же сжимает мой локоть, не давая мне пошатнуться. – Ей очень хорошо... .. Она беременна, придурок!

Вокруг будто раздается глухой удар. Воздух замер. Время остановилось. Резко дергаю Таню за руку, ошарашенная ее словами. В глазах паникует немой вопрос: ЗАЧЕМ?!

Она виновато прикусывает губу, но через мгновение переводит взгляд на Никиту.

– От него, – тихо, но четко добавляет она, кивая в сторону брата.

И в этот момент мир рушится.

– Что, блядь?! – Голос Димы режет воздух, словно хлыст.

Глава 4

Александра

Дима цепенеет. Его глаза расширяются, губы приоткрываются, но он не делает ни одного движения. Вижу, как он пытается осознать сказанное. Как его челюсть судорожно сжимается, как пальцы снова собираются в кулаки. Никита тоже застывает в шоке, его взгляд мечется от меня к Диме. Я перевожу взгляд на Таню, которая прикусывает губу, виновато шепча:

– Прости...

Но извинения уже не имеют значения.

– А ты всё-таки оказалась шлюхой! – выкрикивает Дима.

Слова пронзают насквозь, словно раскаленное лезвие вонзается прямо в грудь. Боль ударяет резко и жестоко, пощечиной по сердцу. Внутри все кричит, требует, чтобы это было неправдой, чтобы он не сказал этого. Но он сказал. Делаю короткий выдох, но в тот же миг все вокруг размывается от резкого движения.

Хлесткий удар кулака... Дима отшатывается назад, схватившись за челюсть. Я даже не успеваю моргнуть, как Никита делает шаг вперед, готовясь нанести еще один удар.

– Никит, не надо! – Таня бросается к нему, хватая за руку, но он словно не слышит ее.

– Да, брат, значит, у тебя бабла намного больше, если за такой короткий срок она и залетела... – ухмыляется Дима, вытирая ладонью угол губы.

Слышу его голос, но он звучит будто издалека. Эхом в голове все еще звучит последняя фраза. Он смотрит на меня с презрением, и в его глазах больше нет ни любви, ни боли, ни даже ненависти – только холодное, колкое отвращение. Глаза щиплет, но не позволю себе заплакать. Нет. Не дам ему этой слабости. Сердце стучит так сильно, что отдается в висках, в кончиках пальцев, в животе. Чувствую, как холод пробирает меня изнутри, словно ледяная игла пронзает позвоночник. Его взгляд – колючий, чужой, жестокий – делает боль острее, чем любые слова. Еще несколько минут назад думала, что у меня получилось взять себя в руки. Но сейчас... Сейчас кажется, что я снова разбита на тысячи осколков.

– Заткнись, мразь! – рычит Никита.

Еще один удар, и Дима вновь отступает, пошатнувшись на ногах.

Теперь уже Паша вмешивается, хватая Никиту за плечи, удерживает, оттаскивая назад. Никита тяжело дышит, его руки еще сжаты в кулаки, и он готов разорвать Диму в клочья.

– Что здесь происходит?! – женский голос заставляет меня обернуться, и ледяной ком в груди становится еще тяжелее.

Господи! Ну почему сейчас? Почему мне все-таки не показалось? Жена Мельникова подбегает к нему и тянет свои руки к разбитой губе.

– Вы что, ненормальные?!

Дима молча хватается за руку, развернувшись, чтобы уйти. Но перед этим кидает на меня последний взгляд – полный мерзкого, режущего отвращения. Внутри меня что-то надломилось. Как последний тонкий осколок иллюзий рассыпался в прах.

Никита все еще рвется в бой, Паша его удерживает, что-то говорит, но я не слышу. Таня прижимает мою руку к себе, что-то говорит успокаивающе.

А я... стою посреди этой сцены и просто хочу провалиться сквозь землю.

– И это твой сука брат? – Никита орет отталкивая Пашу.

– Остынь! – Паша отпускает. – Я думаю тебе лучше сейчас увезти девочек домой. Поговорим потом!

Никита бросает злой взгляд в нашу сторону, затем кивает в сторону парковки и рычит не глядя:

– В машину!

Мы молча следуем за Никитой. Чувствую, как ноги подкашиваются, но Таня крепко держит меня под руку, не давая остановиться. Голова гудит, в ушах еще звучат крики, удары, слова... Димины слова.

Никита распахивает дверь, садится за руль и с силой хлопает дверью так, что машина вздрагивает. Мы с Таней быстро садимся на заднее сиденье, и Никита заводит двигатель. Напряжение в воздухе почти осязаемо. Он молчит. Не кричит. Просто сидит, тяжело дыша, явно сдерживая злость. Мы тоже молчим.

Невыносимо стыдно. Все это произошло из-за меня. Я испортила ему вечер, такой важный день. Он всегда был ко мне добр, относился как к сестре, а теперь я вижу, как он злится. Как его пальцы крепко сжимают руль, как напряженно ходят желваки на скулах. Он ни разу не посмотрел на меня.

Таня сидит рядом, чуть наклонив голову, будто тоже чувствует всю тяжесть этого молчания. Украдкой бросаю взгляд на зеркало – Никита все-таки поглядывает на нас. Быстро, мимоходом, но его взгляд цепляет меня. Явно хочет что-то сказать, но молчит. Как только машина останавливается возле дома, я тут же распахиваю дверь и почти бегом устремляюсь внутрь. Мне кажется, если задержусь там еще хоть на секунду, просто взорвусь от этого кома эмоций, который так и рвется наружу. Таня не отстаёт, слышу за спиной ее быстрые шаги по лестнице.

– Сашка, ну прости ты меня, дуру, – говорит она сзади, запыхавшись, но я не останавливаюсь. – Вырви язык мой непослушный, сама не знаю, почему ляпнула...

Захожу в комнату и опускаюсь на кровать. Голова кружится, тело будто налито свинцом.

– Не надо было так делать, – говорю я тихо, не поднимая головы. – Да еще и Никиту впутала.

– Вот-вот! – внезапно раздается голос Никиты, и я резко вскидываю голову. Он стоит в дверях, нахмуренный. В его голосе нет злости, но есть явное раздражение и усталость.

– Итак, кого я слушаю первым? Пожалуй, тебя, сестренка? – Он скрещивает руки на груди и кидает на Таню пристальный взгляд. – Расскажи-ка мне, каким образом я скоро стану отцом?

Таня вскидывает подбородок.

– Никит, ну ты видел этого придурка? Разве я могла сказать, что это его ребенок?!

– И ты реально беременна от того мудака? – теперь он смотрит уже на меня.

Чувствую, как ком застревает в горле, и лишь молча киваю.

– А сказать мне заранее нельзя?! – его голос поднимается до крика

– Да кто же знал, что ты именно с ними партнерами решил стать?! – тут же взрывается Таня, защищая меня.

– Не с ними, а с Пашей! – Никита резко рубит воздух ладонью. – С ним мы уже полгода переговоры ведем, он даже приезжал ко мне в Швейцарию!

– Ты думаешь, я запоминаю и знаю фамилии всех, с кем ты работаешь?! – Таня возмущенно разводит руками.

Чувствую, как внутри все сжимается еще сильнее. Сперва в животе появляется неприятное ощущение, затем ком снова подступает к горлу. Господи, снова? Прижимаю ладонь к губам, встаю с кровати и бросаюсь в ванную.

– Саш?! – обеспокоенно окликает Таня, но я уже закрываю за собой дверь.

Руки дрожат, когда я хватаюсь за раковину. Волна тошноты накрывает меня полностью. Тело бьет озноб, ладони холодные и влажные. Мир вокруг будто плывет, а в голове одно – хочу, чтобы этот день закончился. Чтобы все это просто исчезло.

Глава 5

Александра

Я просыпаюсь рано, но даже не думаю вставать. Просто лежу, глядя в потолок, бездумно рассматриваю узор трещинок на побелке. Тело тяжелое, как будто оно не мое. Внутри пустота, но стоит закрыть глаза, как воспоминания о вчерашнем вечере накатывают волной, и уголки глаз щиплет. Слеза скатывается по виску, оставляя за собой горячий, мокрый след. Затем другая. Моргаю, стараясь прогнать их, но это бесполезно.

Тихий скрип двери заставляет меня затаить дыхание. Осторожные шаги, а затем чувствую, как кровать слегка прогибается под чужим весом. Никита. Поворачиваю голову и вижу, как он садится на край кровати. Лицо спокойное, без злости, с мягкостью в глазах.

– Как ты? – спрашивает он тихо, словно боится спугнуть меня.

Сажусь, поджав под себя ноги, и шмыгаю носом.

– Нормально. – Голос у меня хриплый, будто я всю ночь плакала. Впрочем, так оно и есть. – К врачу надо послезавтра, – говорю как будто между прочим, даже сама не знаю зачем.

Никита кивает, разминая пальцами ладонь.

– Хочешь, схожу с тобой? Я ж как-никак будущий отец, – ухмыляется он, подмигнув.

Не выдерживаю и смеюсь, хоть и сдавленно.

– Прости... – выдыхаю я, виновато, опуская голову.

– Да уж, вы, конечно, учудили, девчонки, – качает он головой, но в голосе нет ни капли злости. Только забота.

– Никит, мне так неловко... – мой голос дрожит, и я даже не могу его контролировать. – Такой важный для тебя день...

Слова обрываются на полувздохе, а слезы просто катятся без спроса, оставляя мокрые дорожки на щеках. Стираю их ладонью, но они продолжают скатываться.

– Да брось ты, иди сюда, – тихо говорит Никита и раскрывает руки.

В этот момент понимаю – я прощена.

Подползаю ближе, прячу лицо у него на плече, вдыхаю запах чего-то теплого и родного, и даю себе разрешение на слабость. Тихо плачу, чувствуя, как Никита гладит меня по спине, чуть сжимая пальцами, будто говоря: «Я тут, ты не одна».

– Обнимашки? Без меня? – в комнату врывается сонная Таня, кутаясь в теплый плед, и хмурится, поджимая губы. Никита фыркает.

– Без тебя! – строго отвечает он. – На тебя я еще зол!

Таня закатывает глаза, но я вижу, как уголки ее губ дергаются вверх.

– Вот сделаешь мне свой фирменный кофе, я подумаю.

– Ага, перебьешься, – отмахивается она и плюхается в кресло, подтягивая ноги.

Мы все смеемся. Даже не знаю, как это выходит – только что ревела, а теперь смеюсь. Слезы до сих пор текут, но мне уже не так тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.